

Научная статья

DOI: 10.15393/j9.art.2026.16822

EDN: CISSXS

Поэтика вечности в «Утиной охоте» А. Вампилова и «Последнем сроке» В. Распутина

В. Я. Иванова

*Иркутский государственный университет
(г. Иркутск, Российская Федерация)*

e-mail: i_valya@mail.ru

Аннотация. «Утиная охота» А. Вампилова и «Последний срок» В. Распутина были написаны в одном месте — в гостиницах г. Ангарска Иркутской области — в одно время, в совместных поездках начинающих писателей в течение нескольких лет в конце 60-х гг. XX в. Единый творческий хронотоп пьесы и повести позволил соотнести оба произведения, несмотря на разность их природы — драматургии и прозы. В статье впервые выявлены параллели на уровне сюжетообразующего мотива воспоминания, мотива последнего срока, художественных топоса и времени, образов главных героев, образа окна, пейзажа-портрета и показано, что сюжет повести «Последний срок» присутствует в пьесе «Утиная охота» в свернутом виде (эпизод с письмом отца Зилова). Мотивы воспоминаний и последнего срока раскрыты в аспекте традиционной для русской культуры православной картины мира как форма исповеди и стояния перед вечностью. Сжатие художественного времени и пространства у обоих авторов служит не композиционным приемом, а способом перевода быта в бытие. Единство поэтики повести В. Распутина и пьесы А. Вампилова обусловлено не только творческим хронотопом, но и единством культурной памяти художественного сознания обоих писателей-друзей.

Ключевые слова: хронотоп, художественный топос, художественное время, мотив воспоминаний, мотив последнего срока, пейзаж-портрет, образ главного героя, образ окна, микросюжет, автобиографизм, «Утиная охота», «Последний срок», А. Вампилов, В. Распутин

Для цитирования: Иванова В. Я. Поэтика вечности в «Утиной охоте» А. Вампилова и «Последнем сроке» В. Распутина // Проблемы исторической поэтики. 2026. Т. 24. № 2. С. 306–329. DOI: 10.15393/j9.art.2026.16822. EDN: CISSXS

Original article

DOI: 10.15393/j9.art.2026.16822

EDN: CISSXS

Poetics of Eternity in “Duck Hunting” by Alexander Vampilov and “The Last Term” by Valentin Rasputin

Valentina Ya. Ivanova

*Irkutsk State University
(Irkutsk, Russian Federation)*

e-mail: i_valya@mail.ru

Abstract. “Duck Hunting” by A. Vampilov and “The Last Term” by V. Rasputin were written in the same place — in hotels in Angarsk, Irkutsk region — at the same time, during joint trips of beginning writers over several years in the late 1960s. The shared creative chronotope of the play and the novella allows us to correlate both works, despite the difference in their nature — drama and prose. For the first time, the article identifies parallels at the level of the plot-forming motif of memory, the motif of the last term, artistic topos and time, images of the main characters, the image of the window, and the landscape-portrait. It is shown that the plot of the novella “The Last Term” is present in the play “Duck Hunting” in a compressed form (the episode with Zilov’s father’s letter). The motifs of memory and the last term are revealed in the aspect of the Orthodox worldview traditional for Russian culture as a form of confession and standing before eternity. The compression of artistic time and space in both authors serves not as a compositional device, but as a way of transforming everyday life (byt) into authentic existence (bytie). The unity of poetics in V. Rasputin’s novella and A. Vampilov’s play is determined not only by the creative chronotope, but also by the unity of cultural memory in the artistic consciousness of the two writers, who were friends.

Keywords: chronotope, artistic topos, artistic time, motif of the memory, motif of the last term, landscape-portrait, image of the main character, image of the window, microplot, autobiographism, “Duck Hunting”, “The Last Term”, Alexander Vampilov, Valentin Rasputin

For citation: Ivanova V. Ya. Poetics of Eternity in “Duck Hunting” by Alexander Vampilov and “The Last Term” by Valentin Rasputin. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2026, vol. 24, no. 2, pp. 306–329. DOI: 10.15393/j9.art.2026.16822. EDN: CISSXS (In Russ.)

«Утиная охота» А. Вампилова и «Последний срок» В. Распутина написаны в одном месте — в гостиницах г. Ангарска Иркутской области — в одно время в ходе совместных поездок, продолжавшихся несколько лет начиная с 1966 г. Ангарские гостиницы «Саяны» и «Сибирь» стали своего рода творческой дачей для литературной деятельности двух начинающих авторов, связанных дружбой (см. об этом: [Иванова, 2024]). В прошлом году (9 апреля 2025 г.) на гостинице «Саяны» в Ангарске была установлена памятная доска, посвященная обоим писателям. О том, как В. Распутину и А. Вампилову там работало, сохранилось три свидетельства. Самое первое — статья В. Распутина в газете «Советская молодежь», опубликованная через месяц после гибели А. Вампилова¹. Второе — опосредованное, содержится в дневниковых записях В. Я. Курбатова, сделанных во время его приезда в Иркутск (1985) с целью написать предисловие к сборнику произведений А. Вампилова, который был издан позднее². Третье свидетельство — устные воспоминания В. Распутина, записанные на телеканале «Культура» за два года до его ухода из жизни (2013)³. Сохранность воспоминаний В. Распутина о тех поездках с А. Вампиловым, несмотря на прошедшие сорок с лишним лет, говорит о том, насколько они были ценны для писателя. Одно из его свидетельств следующее:

«А вот мы в ангарской гостинице "Тайга"⁴, куда уехали из Иркутска работать, чтобы не мешало одно, второе, пятое, десятое... Час назад Саша поставил последнюю точку в "Утиной охоте" и только что дочитал мне финальную сцену.

— Хорошо, — говорю я. — По-моему, очень хорошо.

Он долго молчит, мнет в руках сигарету и наконец отвечает:

¹ Распутин В. От имени друзей его... // Советская молодежь. Иркутск. 1972. 23 сент. С. 2.

² Вампилов А. Сб. произведений: в 2 т. / авт. вступ. ст. В. Курбатов; сост. В. Распутин; ред. Л. В. Иоффе. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1987–1988.

³ Легендарные дружбы. Прощание. Распутин о Вампилове / авторы: Алексей Шишов, Елена Якович; оператор Вадим Кизилов. ГТРК «Культура», 2013 [Электронный ресурс]. URL: <https://smotrim.ru/video/191912> (02.02.2026).

⁴ Эта ошибка В. Распутина объясняется так. Рядом с гостиницей «Саяны» находится ресторан «Тайга», в котором друзья часто обедали или ужинали. В горестные дни прощания с А. Вампиловым все соединилось у В. Распутина в одно название. Тем более, что гостиница «Саяны» стоит среди величественных таежных сосен.

— Мне тоже кажется, что пьеса удалась. Мне она пока нравится больше старых. Но хорошую пьесу трудно увидеть на сцене, поэтому ее надо делать еще лучше. Все равно, наверно, придется еще посидеть над ней»⁵.

Другое свидетельство — запись с датой «24 ноября 1985 г.» в дневнике В. Я. Курбатова, сделанная в тот день со слов В. Распутина:

«Мы часто работали вместе в гостинице в Ангарске. Если что-то у Сани заканчивалось, он читал вслух. Там он написал "Утиную охоту", в которой в финале Зилов все-таки кончал самоубийством. Я как раз говорил, что, может, этого не надо. Да он и сам сомневался. А что это была очень значительная вещь — потом стало сознаваться. Тогда было только видно, что хорошо, да мы и не больно хвалили друг друга — как-то было не принято. Когда он писал "Утиную охоту", я — "Последний срок". Когда уж в книжке вышло, он, так сказать, очень даже одобрил»⁶.

Последнее воспоминание В. Распутина, как и предыдущие, полно подробностей о работе в тех творческих поездках:

«В последние его годы мы уезжали в Ангарск, город тут недалеко. Ангарские гостиницы стоили-то чепуху. Номер снять — на это денег хватало. Он брал один номер, я — другой. Однажды мы в одном номере несколько дней были. Писали, вечером сходились, читали друг другу. Это было, действительно, интересно. <...> А в Ангарске работали хорошо. Там никакой повадки себе не давали. Работать, так работать. Ему нужно было, мне нужно было. Он писал "Утиную охоту"»⁷.

Единый творческий хронотоп — единое пространство и время (вплоть до того, что оба иногда писали в одной комнате гостиницы, и если даже в разных, то вечером прочитывали написанное друг другу) — позволяет объединить анализом два произведения, несмотря на литературную «несхожесть»

⁵ Распутин В. От имени друзей его... // Советская молодежь. Иркутск. 1972. 23 сент. С. 2.

⁶ Курбатов В. Я. Подорожник: Встречи в пути, или Нечаянная история литературы в автографах попутчиков / предисл. В. Г. Распутина. 2-е изд., доп. Иркутск: Изд. Сапронов, 2006. С. 191.

⁷ Там же.

прозы и драматургии. Такой анализ помогает выявить переключки, связи, взаимовлияния художественного мышления обоих писателей, сумевших оценить творчество *другого* и одновременно сохранить собственную литературную индивидуальность. В статье применены сравнительно-типологическая, структурно-семиотическая, системная методологии в сочетании с аксиологическим подходом В. В. Зеньковского [Зеньковский], М. М. Дунаева [Дунаев], В. Е. Хализева [Хализев], И. А. Есаулова [Есаулов, 1995, 2004], В. Н. Захарова [Захаров], А. Н. Ужанкова [Ужанков], В. С. Непомнящего [Непомнящий]. О достоинствах аксиологического подхода В. С. Непомнящий писал так: «Исследование этой реальности (духовного мира. — *В. И.*) вовсе не отменяет исследования филологического, наоборот, оно его углубляет, утончает, одухотворяет, исполняет смысла и само без него немислимо» [Непомнящий: 35].

В каждом из произведений обращение главного героя к памяти, к своим воспоминаниям — сюжетообразующий мотив. Праведница старуха Анна и грешник Зилов — такие разные, но едины в порыве обращения внутрь себя, к своей памяти, воспоминаниям. В пьесе А. Вампилова «Утиная охота» воспоминания Зилова, путаясь и тесня друг друга, составляют композиционную основу сценического действия. *Мотивом воспоминаний*, отображенным в ремарках, открывается первая картина:

«Некоторое время сидит, глядя в одну точку, — вспоминает» [Вампилов: 530].

Обозначен мотив воспоминаний и в первом диалоге главного героя:

«Да вот вспоминаю... Нет, всего я не помню, но... <...> Помню... Помню... Нет, конца не помню. <...> Честное слово, не помню... <...> Не помню — нет!..» [Вампилов: 531].

Далее мотив как ведущий переводится в логику следования картин, в череду воображаемого и ожившего прошлого в памяти главного героя⁸:

⁸ При этом слова о воспоминаниях выделены разреженным интервалом (так в издании, подготовленном по рукописям и первым публикациям драматурга [Вампилов]).

- «Начинается его первое воспоминание» [Вампилов: 535];
«Продолжается первое воспоминание Зилова» [Вампилов: 541];
«Воспоминание второе» [Вампилов: 553];
«Начинается воспоминание третье» [Вампилов: 560];
«Воспоминание следующее» [Вампилов: 566];
«Воспоминание продолжается» [Вампилов: 572];
«Воспоминание следующее» [Вампилов: 578];
«...начинается воспоминание последнее» [Вампилов: 585].

Смысловой рифмой к мотиву памяти в пьесе является название кафе «Незабудка», многократно упоминаемое не только в авторских ремарках, но и в речи персонажей — любимое место встречи. Воспоминания в сюжете пьесы представляют сложное образование *трехсоставного* прошлого — прошедшего, в которое включено предпрошедшее и давно прошедшее. Например, в семейной сцене ночного разговора Зилова и Галины, обозначенного драматургом в рукописях «Утиной охоты» как «воспоминание о воспоминании», или в сцене подготовки к празднованию новоселья, которое само по себе является воспоминанием, внутри которого — воспоминание Галины о своем друге детства и его письме, внутри письма — воспоминание друга детства. Так мотив воспоминаний в пьесе «Утиная охота» представлен *тройными* воспоминаниями, включенными одно в другое [Иванова, 2013: 89–90].

В повести В. Распутина «Последний срок» цепь воспоминаний старухи Анны открывается приездом детей и составляет параллельную линию повести. Этот прием помогает В. Распутину и А. Вампилову вместить в краткий отрезок жизни главных героев большой событийный материал. Вся жизнь старухи Анны вмещена в *три* дня, в которые умирающая женщина возвращается к жизни. В *один* день — от пробуждения главного героя до заката солнца — вмещена вся взрослая жизнь Зилова с проступками, обманами, изменами.

В каждом из произведений сюжет построен на основе разговора главного героя с собственной *совестью*. У старухи Анны совесть живая — в силу ее связи с православной этикой [Иванова, 2012]; у Зилова — пробуждающаяся, слабая, едва способная проникнуть в сознание. Разговор с совестью

происходит благодаря памяти, ее активной избирательной направленности при отборе и сохранении важного. Активность памяти свойственна обоим главным героям. В пространстве русской православной культуры такие воспоминания несут в себе отголосок *исповеди*. У старухи Анны — исповедь перед собой и давней подругой Миронихой, перед людьми и Богом. У Зилова — скрытая исповедь, пока еще мало осознаваемая, интуитивная, но с проблесками озарений:

«Что со мной делается, я не знаю... Не знаю... Неужели у меня нет сердца?..» [Вампилов: 581].

Предельная откровенность Зилова объяснима ситуацией разрыва с женой, когда и происходит осознание своего одиночества в мире, после которого возникает желание прорваться к правде, подлинности существования. Полное доверие к Галине, тайна сказанного обнаруживаются в состоянии замешательства (в авторской ремарке — «поражен, растерян»), которое переживает Зилов, узнав, что сказанное услышала не жена, а Ирина. Это предельное смущение прикрывается безудержным смехом, объясненным девушке банально — «Вспомнил один анекдот. <...> Мерзкий анекдот» [Вампилов: 583]. Но значимость памяти в перевернутой Зиловым ситуации проявляется в *четырёхкратном* повторе слова «вспомнил» в его оправданиях.

Пространство повести «Последний срок» пронизано провиденциальной избирательностью памяти картин прожитой жизни. Воспоминания старухи Анны касаются каждого из детей: Варвары, Ильи, Михаила, Люси — их детства, особенностей характера, отъезда из дома, прощания с матерью, редких приездов домой, писем, а также своей семейной жизни, бытовых тягот, забот:

«Каждое из окошек — это воспоминание о ком-нибудь из ребят: здесь о Люсе, здесь о Варваре, а это об Илье, о Михаиле, о Таньчоре. <...> Вся жизнь тут, в этих окошках. Растворяй их и гляди, чем ты, старуха, была богата, какие воспоминания, сохранившись, пошевелят после тебя послушные ягодные кусты на берегу реки, ветки березы на опушке леса или пахнут кому-то в лицо, вызвав в нем смутные и тревожные предчувствия, для которых в нем ничего не было» [Распутин: 180–181].

Память старой женщины обещает остаться в природе — в траве, ветках, запахах, в неосознанных предчувствиях, в сердцах людей. Линия воспоминаний старухи Анны переплетается с воспоминаниями ее детей. Отдельно даны воспоминания Люси о своем детстве. Наиболее значимыми для матери остаются воспоминания об ожидаемой младшей дочери Таньчоре.

Важны ключевые, самые яркие для каждого из главных героев обоих произведений воспоминания. У старухи Анны — это воспоминание из юности:

«Неожиданно, перебивая ее воспоминания о ребятах, перед ней высветился дальний-дальний день — и тоже с рекой. Только что прошел дождь, короткий, буйный, окатный, из нечаянно подвернувшейся по-летнему единственной тучи, а уже опять солнце, <...> все чисто и азартно блестит, пахнет остро, свежо, звенит от птиц и стекающей воды. <...> Она не старуха — нет, она еще в девках, и все вокруг нее молодо, ярко, красиво. Она бредет вдоль берега по теплой, парной после дождя реке, загребая ногами воду и оставляя за собой волну, на которой качаются и лопаются пузырьки. <...> И до того хорошо, счастливо ей жить в эту минуту на свете, смотреть своими глазами на его красоту, находиться среди бурного и радостного, согласного во всем действия вечной жизни, что у нее кружится голова и сладко, взволнованно поет в груди» [Распутин: 184].

Всю жизнь женщина берегла в себе это воспоминание о красоте природы, ее запахах, звуках, прикосновениях, берегла острое ощущение вечности и согласия в мире, дарующие людям радость. Сокровенность впечатлений невыразима: они остаются скрытыми в душе старухи Анны. Те же чувства восхищения перед красотой природы и тайной бытия — в воспоминаниях Зилова об утиной охоте. Душа его живет радостью погружения в природу, в ее первозданное *со*-гласие, *со*-действие, в умиротворяющую, высшую красоту, отраженную в предутреннем тумане, рассвете, тихой ночи на реке:

«Знаешь, что ты там увидишь?.. Такое тебе и не снилось, клянусь тебе. Только там и чувствуешь себя человеком. <...> Ты увидишь, какой там туман — мы поплывем, как во сне, неизвестно куда. А когда подымается солнце? О! Это как в церкви и даже почище, чем в церкви... А ночь? Боже мой! Знаешь, какая это

тишина? Тебя там нет, ты понимаешь? Нет! Ты еще не родился. И ничего нет. И не было. И не будет...» [Вампилов: 582].

Чувствующая, воспринимающая жизнь душа человека пытается словами выразить невыразимое. В монологе очевидна аллюзия на первые строки Библии о сотворении мира (Быт. 1:1–10)⁹. Для понимания подобного состояния можно обратиться к духовному опыту современного путешественника и священника Ф. Конюхова, многие годы совершающего одиночные плавания по океанам:

«Я как будто попал за миллионы лет до создания живой природы: вокруг до горизонта ничего живого, только вода и вода, сливающаяся с небом»¹⁰.

Тяга к согласию, тишине, высшему, непостижимому для человека еще сильна у Зилова. Свою подлинность, истинность существования в слиянии с природой главный герой пьесы ощущает только на «утиной охоте», на которой, напомним, он не убил ни одной утки («Они-то все-таки живые» [Вампилов: 586]). Эти воспоминания сокровенны для Зилова так же, как и для старухи Анны: они таятся от чужого взгляда в самой глубине сердца.

В этих сокровенных воспоминаниях главных героев «Последнего срока» и «Утиной охоты» образной доминантой является *вода, река*. У старухи Анны — это состояние природы после дождя, текучая небесная и земная вода в их согласии и слиянии. У Зилова — стоячая, замершая вода, окружающая человека туманом, водяными каплями в воздухе. Указанием на то, что это река, могут служить слова Зилова: «Я повезу тебя на тот берег, ты хочешь?» [Вампилов: 582], где берег в системе высших ценностей этого человека означает что-то особенно дорогое.

Солнечность воспоминаний молодой Анны и *туманность*, неясность видения в воспоминаниях Зилова метафорично отражают их характеры, состояния души. Сохранность

⁹ Библия. Книги Священного писания Ветхого и Нового Завета. М.: Российское Библейское общество, 2006. С. 9.

¹⁰ Конюхов Ф. Мой путь к истине: дневники одинокого путешественника (2005–2015). М.: Эксмо, 2023. С. 90–91.

памяти, отражающей образы света и, в случае Зилова, пред-
рассветного неба, пробуждения совести — это сердце каждого
из героев, биение которого дает силы: Анне — радость и муж-
ество жить праведно, терпеливо перенося трудности; Зи-
лову — бегство от своей несправедной жизни, обмана, не-
верности людям. В православном понимании таковые остав-
шиеся в памяти образы преображают душу, связывая с веч-
ностью: один — на всю жизнь, другой — во временном, корот-
ком миге соприкосновения с ней.

Так, сжатое событийное время — три дня в повести В. Рас-
путина «Последний срок» и один день в пьесе А. Вампилова
«Утиная охота» — несет в себе отзвук вечности, ее касание.
На встрече с читателями в 1979 г. В. Распутин уточнил: «А мои
старухи всегда живут перед лицом вечности, и потому постоян-
но в них ощущение высокого человеческого предназначения
и долга, служения» [Газизова: 95]. В открытости вечности,
восприятии трансцендентного бытия, принятии в себя его
высшей силы, главные герои повести и пьесы — старуха Анна
и Зилов, противоположные по характеру и образу жизни, —
едины.

Созерцательность, способность воспринимать мир непо-
средственно *чувствами, интуицией* — высшими, надмир-
ными, нерациональными средствами общения человека с при-
родой — наиболее выпукло представлены в «Последнем сроке»:
Анна соприкасается душой с солнцем, ночным небом, звез-
дами. Из всех героев повести только она видит и слышит не-
бытовой, надчеловеческий высший мир:

«Старуха лежала, слушала — слушала, с каким вниманием
дышит в ночи изба, освещенная колдовским, рясным светом
звезд, слушала глухие невольные вздохи дремлющей земли,
на которой стоит изба, и высокое яркое кружение неба над избой,
и шорохи воздуха по сторонам — и все это помогало ей слышать
и чувствовать себя, то, что навсегда выходило из нее в ночной
простор, оставляя плоть в легкости и пустоте» [Распутин: 179–180].

Главная героиня воспринимает избу, землю, небо живыми,
очеловечивая, одухотворяя мир вокруг себя. Она — часть при-
роды и всего мироздания.

Мотив последнего срока открыт в названии повести «Последний срок» и развивается в произведении сразу в нескольких планах: в ожидании матерью младшей дочери Таньчоры, «последней, заскрёбша» [Распутин: 153], и в ожидании детьми смерти матери, в подведении главной героиней итогов жизни, последнем прощании с миром, солнцем, детьми, Миронихой. В повести это событие предстает в качестве реминисценции евангельского мотива «малой» эсхатологии (жизни человека) и главной эсхатологии (человеческой истории), исходящих из Откровения Иоанна Богослова. Полнота раскрытия означенного мотива в повести В. Распутина очевидна. Его в качестве ведущего в прозе писателя первыми выделили А. А. Дырдин (1982) [Дырдин: 643], И. А. Митрофанова (1991) [Митрофанова: 9]. В раннем рассказе В. Распутина «Продается медвежья шкура» мотив последнего срока рассмотрен автором данной статьи [Иванова, 2021]. Скрытым планом *последний срок* присутствует и в «Утиной охоте». По мере воссоздания в памяти Зилова недавних и давних событий в его душе нарастает чувство крайнего напряжения — предела прожитого, наполненного проступками, что неожиданно выражается в решении уйти из жизни. Ощущение края жизни, предела личного времени, последнего срока для исправления содеянного скрыто в конечных сценах пьесы, внутри иррациональных наплывов и совмещений прошлого и будущего. Груз воспоминаний главного героя в пьесе А. Вампилова развернут в контексте православной традиции, идеи спасения души.

Календарное время трех дней в жизни старухи Анны и одного дня Зилова как аспект художественного времени совпадает. Это ранняя осень в Сибири — начало сентября. Утиная охота начинается с конца августа и продолжается до конца ноября. В пьесе А. Вампилова точно указана дневная температура: «...температура плюс шестнадцать градусов». Идет дождь, «льет как из ведра» [Вампилов: 531]. Это начало-середина сентября. Точность температуры артистично введена в пьесу голосом диктора прогноза погоды по радио, точнее, его имитацией в телефонном розыгрыше Зилова. Началом сентября отмечены дни в повести «Последний срок». Пейзаж в тот день, когда старуха Анна пришла в себя, развертывается в живую текущую реальность. Начало сентябрьского дня представлено так:

«В свой черед засветилось утро, стало проясняться, но еще до солнца с реки нанесло такого густого и непроглядного тумана, что все в нем утонуло, потерялось» [Распутин: 19];

«Туман держался долго, до одиннадцатого часа, пока не нашлась какая-то сила, которая подняла его вверх. Сразу ударило солнце, еще ядреное, яркое с лета, и вся местность повеселела, радостно натянулась» [Распутин: 22];

«После завтрака Михаил и Илья сели на крыльцо курить. День разгуливался, небо вместе с туманом отодвигалось все выше и выше, в синих, обрывающихся вдаль разводях для него уже не хватало человеческого взгляда <...>. Лес, приласканный солнцем, засветился зеленью, раздвинулся шире — на три стороны от деревни, оставив четвертую для реки» [Распутин: 26–27];

«Этот выдавшийся от часу между утром и обедом покой смирял и шумы и движения, ладил с ясным, светящимся теплом, падающим с открытого неба, тихо и невидно возносил деревню, отогревая ее после ночи» [Распутин: 27].

Особенность этого описания природы в повести «Последний срок» отметила критик Н. С. Тендитник: «Пейзаж в повести (и в данном эпизоде особенно) — выражение мироощущения Анны, и он то продвигает события <...>, то отражает состояние души» [Тендитник, 1981: 62]. Итог такому изображению природы подводят слова детей Анны.

«— Видать, невредная у нас все же мать была, — сказал Михаил, тронутый ласковой, манящей тишиной. — И день для нее вон какой выдался. Не каждому такой дают» [Распутин: 27–28].

Этой фразой пейзаж сентябрьского утра (те часы, когда Анна вернулась к жизни) переводится в новый семантический план — с переносным значением. Поднимаются древнейшие мифические слои сознания, признающие слитность человека и природы, их нераздельность в едином облике, запечатленном в фольклоре приемом психологического параллелизма. Пейзаж-событие получает статус портрета души старухи Анны, самой ее сути. И в этом портрете ключевым является *свет*. *Светоносность* — главная характеристика героини, а также «ласка» («приласканный солнцем», «ласковой тишиной»), лад («ладил»), покой и тишина («покой смирял», «тихо», «манящей

тишиной»), сила («нашлась какая-то сила», «ударило солнце»), ширь и тепло («светящимся теплом», «отогревая ее»), высота («все выше и выше», «возносил»). Все эти качества души старухи Анны затем раскроются в повествовании.

Пейзаж в пьесе «Утиная охота» передан словами Зилова, смотрящего в окно. К окну он постоянно подходит в течение действия и раздраженно или с напряжением в него смотрит — словно вглядывается в себя. Библейская аллюзия в этих описаниях очевидна:

«Этот дождь, по-моему, никогда не кончится... Он будет лить сорок дней и сорок ночей» [Вампилов: 565]

(ср.: «и окна небесные отворились; и лился на землю дождь сорок дней и сорок ночей» (Быт. 7:11, 12)).

Как и в повести «Последний срок», описание природы в пьесе передает состояние души главного героя. Это одновременно и погодное явление, препятствующее выезду на охоту, и метафора психического состояния, эмоциональный портрет Зилова. Аллюзия на библейский потоп поднимает в литературном произведении *мотив наказания человека за грехи*, расторжение Завета, что придает христианскую окраску состоянию главного героя, выводя его из земного плана в высшие Божии законы, из быта — в бытие, из времени — в вечность. Плач, слезы, обычно связанные с утратой, в русской культуре часто восходят к стыду и раскаянию, ко вниманию голосу совести: умная молитва в православной аскетике, глубокое раскаяние сопряжены со слезами. Погода за окном в пьесе меняется, хотя вначале у Зилова присутствует ощущение продолжительности дождя. К концу пьесы «дождь кончился», что подчеркнуто конечной ремаркой («К этому времени дождь за окном прошел, синее полоска неба, и крыша соседнего дома освещена неярким предвечерним солнцем» [Вампилов: 601]) и отмечено в речи персонажей. Это тоже связано с состоянием главного героя, его эмоциональным портретом, отражающим просветление души после тяжелой исповеди, слез.

Окно для каждого из главных героев — важный компонент их миропонимания, в поэтике произведения — часть целостного образа человека. Неразлучен с окном Зилов: окно для него — источник информации о погоде, а значит, прорыва к любимому месту на земле. Окно с непрерывно льющим дождем запирает Зилова в доме. Изголовьем к окну поставлена кровать Анны, на которой она лежит. Для старухи окно — источник солнечного света, тепла, жизни. Анна видит отраженный свет солнца, греет руки, радуется, погружается в этот животворный контакт с внешним миром:

«В комнате было светло тем неярким и чистым светом ясного дня, который бывает перед закатом. Старуха лежала изголовьем к окну, и солнце падало ей в ноги, осторожно остывало на стене напротив, словно выступая, пронизывало ее с другой стороны. Только теперь старуха увидела солнце и, узнав его, обрадовалась; после долгих беспмятных потемок ей сразу стало теплее от него...» [Распутин: 39].

Встреча с солнцем несет для старой женщины такую же радость, как встреча с родным человеком.

Благодаря тесному пространству главные герои обоих произведений выделены и отделены от мира других людей. Топос старухи Анны в «Последнем сроке» предельно мал — это кровать, с которой старая женщина не встает уже три года. Первые строки повести сообщают об этом:

«Старуха Анна лежала на узкой железной кровати возле русской печки и дожидалась смерти...» [Распутин: 7].

Важно, что топос старухи Анны — ее старый дом, в котором женщина прожила всю жизнь. Для В. Распутина понятие дома расширялось до родной земли, а с другой стороны, сужалось до особого состояния души, пекущейся о внутреннем порядке. Об этом — слова Ивана Петровича, главного героя повести «Пожар», передающего взгляды самого писателя:

«Чтобы человеку чувствовать себя в жизни сносно, нужно быть дома. Вот: дома. Поперед всего, дома, а не на постое, в себе, в своем собственном внутреннем хозяйстве, где все имеет определенное, издавна заведенное место и службу. Затем дома — в избе,

на квартире, откуда с одной стороны уходишь на работу и с другой — в себя. И дома — на родной земле» (1985)¹¹.

Быть дома для В. Распутина — быть в себе, заниматься собственным домостроением, порядком в душе. Быть в себе — знать о себе все, быть честным и истинным.

Замкнут в одной комнате своей двухкомнатной квартиры Зилов (это тоже *дом*, только новый, еще не обжитый). Ремарки в начале пьесы указывают на то, что он выходит на кухню за пивом. Затем траектория его перемещений проходит внутри одной комнаты: тахта — столик с телефоном у тахты — окно. В этом закрытом пространстве главный герой кружится, метафорически вращаясь внутри воспоминаний и угрызений совести — внутри своей души. В ремарках часто приводится один топос — «комната Зилова». Прорыв главного героя за пределы своей комнаты совершается только раз — в коротком крике-обращении к мальчику Витьке через распахнутое окно, которое Зилов тут же и закрывает, поскольку идет дождь. С лежания Зилова на тахте (ночной сон) пьеса начинается, лежанием на тахте — «плакал он или смеялся» [Вампилов: 601] — заканчивается. Начало — утро, конец — вечер. И начало пьесы, и ее конец — каждый раз возобновленная жизнь. Начало пьесы знаменует импульс исповедальных всплесков памяти Зилова, конец оставляет финал открытым. *Мотив «начать сначала»* (курсив мой. — В. И.) как ключевой звучит в центральном монологе Зилова об утиной охоте. Знаменательно, что он выделен драматургом как название фрагментов пьесы в первых ее публикациях¹².

Каждый из главных героев двух произведений одинок, отделен от людей. Одинок Анна у границы своей жизни среди шума и гама приехавших к ней детей, не понимающих ее мучительного ожидания прощальной встречи с младшей дочерью. Конечная фраза повести, данная сразу после описания отъезда детей и нескольких утешительных слов Михаила,

¹¹ Распутин В. Г. В поисках берега: повесть, очерки, статьи, выступления, эссе. Иркутск: Изд. Сапронов Г. К., 2007. С. 72.

¹² См.: Вампилов А. Начать сначала: отрывок из пьесы «Утиная охота» // Знамя коммунизма (Ангарск). 1967. 20 дек. С. 3; Вампилов А. Начать сначала: отрывок из пьесы «Утиная охота» // Совет. молодежь (Иркутск). 1968. 13 июня. С. 2, 3.

вынесена автором в абзац — и стоит одиноко. Предложение утверждает одиночество Анны лаконичностью, скудной лексикой:

«Ночью старуха умерла» [Распутин: 210].

Рядом с умирающей матерью никого не было. Одинок в своей двухкомнатной квартире Зилов. Его единственная связь с миром — телефон — иллюзорна. *Мотив одиночества* звучит в ремарках пьесы:

«Зилов один в своей комнате» [Вампилов: 595];

«Зилов выпивает один» [Вампилов: 589].

В речи главного героя отражены оттенки и движение его чувств: радость («Я один... Один как перст...» [Вампилов: 579]), отчаяние («Я один, один, ничего у меня в жизни нет, кроме тебя! Помоги мне!» [Вампилов: 581]), обман («Я хочу быть один, ты понимаешь?», «Именно сейчас я хочу остаться один» [Вампилов: 573]), подлинное желание («Я хочу остаться один... Я вам не верю, слышите?..» [Вампилов: 592]), решение («Нет, нет, решено, я еду один» [Вампилов: 572]), сожаление («Я так тебе скажу. После вчерашнего я остался один... Нет, чувствую, что один» [Вампилов: 566]). Тема одиночества звучит и в вопросе Димы: «Говорят, ты остался один?» [Вампилов: 586]. *Один* Зилов и в начале пьесы, и в конце.

В момент начала монолога об утиной охоте Зилов на сцене снова один, поскольку его собеседник Галина, скрытая запертой дверью, тихо уходит. Прозрение, признание вины, сердечная исповедь, обращение к жене и мольба о помощи не услышаны: слова уходят в действительную пустоту. В целом мотивы одиночества в пьесе переплетаются благодаря сложно соединенным временным пластам, создавая богатую палитру чувств. Ситуация одиночества оставляет главных героев «Последнего срока» и «Утиной охоты» наедине с собой — со своими мыслями, совестью — для подведения итогов жизни. И это дар, если рассматривать одиночество изнутри православной традиции. Переживание полного одиночества путешественника-священника Ф. Конюхова подтверждает древний духовный опыт:

«Я как в пустыне отшельник. Здесь, в океане, полнее чувствуется одиночество. <...> Одиночество есть особая мудрость»¹³.

Интересно, что сюжет повести «Последний срок» присутствует в пьесе «Утиная охота» в свернутом виде. Этот *микросюжет* проходит небольшим эпизодом в череде проступков Зилова, восстанавливаемых его памятью. Главный герой вновь проживает ситуацию с получением письма от умирающего отца, неверием в его искренность и нежеланием ехать. Его комментарий к письму циничен, оскорбителен:

«От папаши. Посмотрим, что старый дурак пишет. (Читает) <...> Опять он умирает. <...> Обрати внимание, раз или два в году, как правило, старик ложится помирать. <...> Понимаешь, что делает? Разошлет такие письма во все концы и лежит, собака, ждет. Родня, дура, наезжает, ох, ах, а он и доволен. Полежит, полежит, потом, глядишь, поднялся — жив, здоров и водочку принимает. Что скажешь?» [Вампилов: 554].

Неожиданно присланная телеграмма разоблачает ложь, надуманные подозрения Зилова, возвращает сына к истине. Предполагаемая дорога домой — «Должен успеть... Пять часов самолетом, на пароходе полсуток, а там на автобусе... Надеюсь, что успею» [Вампилов: 571] — аллюзия на дорогу домой Люси, Ильи в «Последнем сроке». Созвучен повести и сюжетообразующий *мотив «успеть»*. Совесть прорывается в Зиллове сквозь умножаемый им обман. Он чувствует ее укоры, в какие-то краткие минуты осознает вину:

«Старика еду хоронить... <...> Скверно, Дима... Хреновый я был ему сын. За четыре года ни разу его не навестил... <...> Боюсь, не успею...» [Вампилов: 575].

К отцу Зилов так и не поехал. *Мотив сына, не навестившего умирающего/болящего родителя*, — ведущий и в одноактной пьесе А. Вампилова «Двадцать минут с ангелом», написанной в тех же совместных поездках с В. Распутиным в Ангарск. Слышанное А. Вампиловым от друга на вечерних чтениях в ангарской гостинице остается в его душе, памяти, а затем отражается эхом в пьесах, творимых там же.

¹³ Конюхов Ф. Мой путь к истине: дневники одинокого путешественника (2005–2015). С. 147.

Для каждого из писателей рассматриваемые произведения были любимыми, главными. В. Распутин говорил об этом редко, сберегая отношение к повести как сокровенное. Это чувство проскальзывает в некоторых интервью:

«"Последний срок" — более естественная книга. И поэтому она мне наиболее нравится. Она как будто сказала. Не пропелась, а — сказала. Пропелась — это нечто все-таки другое... Как сказ определенный. Как будто она заранее не готовилась, труды никакие особые для этого дела не прилагались, а просто под вдохновением сказала — и все. Вот такое ощущение у меня осталось»¹⁴.

Другое свидетельство принадлежит Н. С. Тендитник, биографу писателя, организатору его встреч с читателями. «На вопрос: какую из своих книг он считает главной, ответил: "Последний срок"» (1981) [Тендитник, 1981: 67]. О значимости для А. Вампилова пьесы «Утиная охота» мы узнали из воспоминаний В. Распутина 1972 г.¹⁵

Произведения были дороги обоим писателям еще и в силу *автобиографизма*. В каждом из них запечатлен драгоценный жизненный материал, образы близких и любимых людей: «И я рассказал почти что историю нашей семьи, написал свою бабушку. Для меня это было самое главное в "Последнем сроке"» (2004)¹⁶, — признался В. Распутин в беседе с С. В. Ямщиковым. В имени Таньчоры, любимой дочери старухи Анны, сохранено имя любимой для мальчика Вали, особо заботящейся о нем, тети. История отношений с первой женой, Людмилой Добрачевой, и второй, Ольгой, отражены в сюжете пьесы «Утиная охота». Запечатлен и факт существования планетария, переделанного из Троицкого храма в Иркутске, стоящего напротив дома, в котором Людмила снимала квартиру:

«...напротив была церковь, помнишь?.. Ну, да, планетарий. Внутри планетарий, а снаружи все-таки церковь» [Вампилов: 563].

¹⁴ Распутин В. Корни и крона. К 50-летию В. Г. Распутина: беседа / В. Максимов // Знамя коммунизма (Ангарск). 1987. 13 марта. С. 3.

¹⁵ Распутин В. От имени друзей его... // Совет. молодежь (Иркутск). 1972. 23 сент. С. 2.

¹⁶ Распутин В. Г. У нас остается Россия: очерки, эссе, статьи, выступления, беседы / сост. Т. И. Маршкова; предисл. В. Я. Курбатова; отв. ред. О. А. Платонов. М.: Ин-т рус. цивилизации, 2015. С. 870.

О Людмиле Добрачевой сохранилось много теплых отзывов друзей А. Вампилова, знавших ее. В. Распутин, знакомый с Людмилой, в 2013 г. сказал о ней так: «дивной души человек»¹⁷. Сердечный след лично пережитого делал эти произведения особо значимыми для каждого автора.

Тема памяти, представленная мотивом воспоминаний главных героев, является в обоих произведениях центральной. Она определяет главное содержание повести «Последний срок» и пьесы «Утиная охота». *Исповедальность* размышлений старухи Анны и Зилова представлена не только содержательно, но и композиционно, через организацию событийного материала. В каждом из произведений это не только итоги жизни, подведенные главным героем, но и разговор с собственной совестью в ситуации одиночества, ситуации пограничной для жизни. В повести В. Распутина «Последний срок» главная героиня умирает, в пьесе А. Вампилова «Утиная охота» главный герой остается жить. От первоначального замысла — самоубийства Зилова — драматург отказался. Исповедальность человека в отечественной культуре обусловлена *христианской традицией спасения души, покаянием в грехах перед литургией и причастием* — важнейшим Таинством православной церкви со времени Крещения Руси. В период написания повести и пьесы (конец 60-х гг. XX в.), в атеистические годы советского государства, изображение такого состояния человека знаменовало *сохранение культурной памяти* народа вопреки насильственному потрясению духовно-нравственных основ. В каждом из произведений исповедь главного героя — это *стояние человека перед Богом*, вечностью в православном ее понимании.

Художественные пространство и время в обоих произведениях сжаты: кровать — у старухи Анны, комната — у Зилова; три дня — у Анны, один день — у Зилова. Удивительным образом эти тесные художественные пространства отражают одноместные номера ангарской гостиницы «Саяны», узкие и тесные, с единственным окном. У каждого из главных героев повести и пьесы малое пространство является *домом*, метафорой нахождения человека в себе, в своем внутреннем мире

¹⁷ Легендарные дружбы. Прощание. Распутин о Вампилове / авторы: Алексей Шишов, Елена Якович; оператор Вадим Кизилев. ГТРК «Культура», 2013 [Электронный ресурс]. URL: <https://smotrim.ru/video/191912> (02.02.2026).

(для героя «Утиной охоты» — это еще и мучительный путь к осознанию, открытию самого себя): у старухи Анны — изба, деревня, из которой она ни разу не выезжала, у Зилова — новая двухкомнатная квартира в пятиэтажном городском типовом доме. Только для Анны пространство избы является целым миром, вселенной, а для Зилова комната замкнута дождем, как захлопнувшаяся ловушка, из которой человек стремится наружу, прочь, *на утиную охоту*. Это пространство для главного героя психологически особенно тугое, сжатое. Замкнутость Зилова в сцене прощального объяснения с Галиной из метафорического плана переведена в реальный. Именно в такой ситуации звучит глубокая исповедь Зилова, происходит осознание своей вины, нравственного падения. Предельно малые художественные время и пространство в обоих произведениях устремляются в вечность — к состоянию человека, стоящего перед Божиим Судом, состоянию, определяющему спасение души.

Единство духовно-нравственной культурной традиции объединяет «Утиную охоту» и «Последний срок». Большое влияние на В. Распутина в детстве оказала бабушка Мария Герасимовна Распутина (Вологжина), изображенная в первом знаменитом произведении писателя, рассказе «Василий и Василиса» (1967), и запечатленная в обликах распутинских старух. Вампилова с младенчества воспитывали две женщины — бабушка Александра Африкановна Копылова (Медведева), супруга священника (Копылова Прокопия Георгиевича, служившего в главном храме Иркутска — Казанском кафедральном соборе — и расстрелянного в 1937 г.), и мать, дочь священника, Анастасия Прокопьевна Копылова, учительница математики в Кутуликской школе Аларского района. Александра Африкановна поселилась в семье дочери после 1937 г., помогала ей после ареста мужа воспитывать четырех детей и прожила там до глубокой старости [Тендитник, 1987: 115]. Оба писателя, прозаик и драматург, изначально несли и хранили в себе *христианско-православную этику*.

Закончим статью важными для нашей темы словами В. Распутина: «Всегда помню об Александре Вампилове. <...> Дружили, не мешая друг другу, вместе искали уединения для

работы, читали друг другу написанное. С Вампиловым дружить было легко, он был чрезвычайно талантлив не только как писатель, драматург, но и как человек...» [Газизова: 104]. Перед нами уникальный творческий союз двух великих русских писателей.

Список литературы

1. Вампилов А. Драматургическое наследие / вступ. ст. А. Калягина и Г. Товстоногова. Иркутск: Иркут. обл. тип. № 1, 2002. 844 с.
2. Газизова А. А. Три высказывания о прозе В. Г. Распутина // Творчество В. Г. Распутина в социокультурном и эстетическом контексте эпохи / И. Л. Бражников, А. А. Газизова, Т. А. Пономарева и др. М.: МПГУ, 2012. С. 80–105 [Электронный ресурс]. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_35216477_42445046.pdf (02.02.2026). EDN: XSNJBB
3. Дунаев М. М. Православие и русская литература: в 6 ч. / Моск. духов. акад. 2-е изд., испр., доп. М.: Христиан. лит., 2001–2004. EDN: QTORAN
4. Дырдин А. О повестях Валентина Распутина // Распутин В. Г. Четыре повести / послесл. А. Дырдина. Л.: Лениздат, 1982. С. 640–653.
5. Есаулов И. А. Категория соборности в русской литературе. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1995. 288 с. [Электронный ресурс]. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_37538414_74077432.pdf (02.02.2026). EDN: ZHEFPF
6. Есаулов И. А. Пасхальность русской словесности. М.: Крузь, 2004. 560 с. EDN: QRDEXB
7. Захаров В. Н. Православные аспекты этнопоэтики русской литературы // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1998. Вып. 5. С. 5–30 [Электронный ресурс]. URL: <https://poetica.pro/journal/article.php?id=2472> (02.02.2026). EDN: RUYKBH
8. Зеньковский В. В. Собр. соч. М.: Русский путь, 2008. Т. 1: О русской философии и литературе: статьи, очерки и рецензии (1912–1961) / сост., подгот. текста, вступ. ст. и примеч. О. Т. Ермишина. 442 с.
9. Иванова В. Я. «И плачет душа моя за весь мир»: православная аскетика в иконографии повести В. Г. Распутина «Последний срок» // Время и творчество Валентина Распутина: история, контекст, перспективы: Междунар. науч. конф., посвящ. 75-летию со дня рождения Валентина Григорьевича Распутина: мат-лы (Иркутск, 15–17 марта 2012 г.) / отв. ред. И. И. Плеханова. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2012. С. 348–358 [Электронный ресурс]. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_47161146_96361825.pdf (02.02.2026). EDN: NNRONM
10. Иванова В. Я. Метафоры и метаформы времени в пьесе А. Вампилова «Утиная охота» // В мире Александра Вампилова: мат-лы науч.-практ. конф. (Иркутск, 4–23 октября 2012 г.) / отв. ред. А. С. Собенников. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2013. С. 85–93. EDN: GUDWXB

11. Иванова В. Я. Мотив последнего срока в рассказе В. Распутина «Продается медвежья шкура» // Проблемы исторической поэтики. 2021. Т. 19. № 3. С. 276–295 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1633691334.pdf (02.02.2026). DOI: 10.15393/j9.art.2021.9862. EDN: JCYHOA
12. Иванова В. Я. Окно в небо. Распутин и Вампилов в Ангарске // Сибирь. 2024. № 5. С. 84–93 [Электронный ресурс]. URL: https://dom-lit.ru/?page_id=13797 (02.02.2026).
13. Митрофанова И. А. Мифо-фольклорная и древнерусская традиция в повестях В. Г. Распутина: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. М., 1991. 20 с. [Электронный ресурс]. URL: https://viewer.rsl.ru/ru/rs_l01000323416?page=1&rotate=0&theme=white (02.02.2026). EDN: ZLDXMZ
14. Непомнящий В. С. Удерживающий теперь: Пушкин в судьбе России: избр. работы и выступления / предисл. О. Н. Скляров; сост. Е. Ю. Агафонов. М.: ПСТГУ, 2024. 652 с.
15. Распутин В. Г. Собр. соч.: в 4 т. Иркутск: Изд. Сапронов Г. К., 2007. Т. 2: Последний срок: повесть и рассказы. 440 с.
16. Тендитник Н. С. Мастера. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1981. 303 с.
17. Тендитник Н. С. Иркутск Александра Вампилова // Сибирь. 1987. № 4. С. 113–121.
18. Ужанков А. Н. Историческая поэтика древнерусской словесности. Генезис литературных формаций. М.: Изд-во Лит. ин-та им. А. М. Горького, 2011. 512 с. EDN: TOBFCD
19. Хализев В. Е. Интуиция совести (теория доминанты А. А. Ухтомского в контексте философии и культурологии XX века) // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Изд-во ПетГГУ, 2001. Вып. 6. С. 21–42 [Электронный ресурс]. URL: <https://poetica.pro/journal/article.php?id=2512> (02.02.2026). EDN: RUYKSP

References

1. Vampilov A. *Dramaturgicheskoe nasledie [Dramatic Heritage]*. Irkutsk, Irkutskaya oblastnaya tipografiya no. 1, 2002. 844 p. (In Russ.)
2. Gazizova A. A. Three Statements About the Prose of V. G. Rasputin. In: *Tvorchestvo V. G. Rasputina v sotsiokul'turnom i esteticheskom kontekste epokhi [The Works of V. G. Rasputin in the Socio-Cultural and Aesthetic Context of the Epoch]*. Moscow, Moscow Pedagogical State University Publ., 2012, pp. 80–105. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_35216477_42445046.pdf (accessed on February 2, 2026). EDN: XSNJBB (In Russ.)
3. Dunaev M. M. *Pravoslavie i russkaya literatura: v 6 chastyakh [Orthodoxy and Russian Literature: in 6 Vols]*. Moscow, Khristianskaya literatura Publ., 2001–2004. EDN: QTORAN (In Russ.)
4. Dyrdin A. About the Short Novels of Valentin Rasputin. In: *Rasputin V. G. Chetyre povesti [Rasputin V. G. Four Short Novels]*. Leningrad, Lenizdat Publ., 1982, pp. 640–653. (In Russ.)

5. Esaulov I. A. *Kategoriya sobornosti v russkoy literature* [*The Category of Sobornost' in Russian Literature*]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 1995. 288 p. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_37538414_74077432.pdf (accessed on February 2, 2026). EDN: ZHEFPF (In Russ.)
6. Esaulov I. A. *Paskhal'nost' russkoy slovesnosti* [*Paskhal'nost' of Russian Literature*]. Moscow, Krug Publ., 2004. 560 p. EDN: QRDEXB (In Russ.)
7. Zakharov V. N. Orthodoxal Aspects of Russian Ethnopoetics Literature. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [*The Problems of Historical Poetics*]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 1998, issue 5, pp. 5–30. Available at: <https://poetica.pro/journal/article.php?id=2472> (accessed on February 2, 2026). EDN: RUYKBH (In Russ.)
8. Zen'kovskiy V. V. *Sobranie sochineniy* [*The Collected Works*]. Moscow, Russkiy put' Publ., 2008, vol. 1: About Russian Philosophy and Literature: Articles, Essays, and Reviews (1912–1961). 442 p. (In Russ.)
9. Ivanova V. Ya. “And My Soul Weeps for the Whole World”: Orthodox Asceticism in the Iconography of V. G. Rasputin's Short Novel “The Last Term”. In: *Vremya i tvorchestvo Valentina Rasputina: istoriya, kontekst, perspektivy: Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya, posvyashchennaya 75-letiyu so dnya rozhdeniya Valentina Grigor'evicha Rasputina: materialy (Irkutsk, 15–17 marta 2012 goda)* [*Time and Works of Valentin Rasputin: History, Context, Prospects: International Scientific Conference Dedicated to the 75th Anniversary of the Birth of Valentin Grigorievich Rasputin: Materials (Irkutsk, March 15–17, 2012)*]. Irkutsk, Irkutsk State University Publ., 2012, pp. 348–358. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_47161146_96361825.pdf (accessed on February 2, 2026). EDN: NNRONM (In Russ.)
10. Ivanova V. Ya. Metaphors and Metaforms of Time in A. Vampilov's Play “Duck Hunt”. In: *V mire Aleksandra Vampilova: materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Irkutsk, 4–23 oktyabrya 2012 goda)* [*In the World of Alexander Vampilov: Materials of the Scientific and Practical Conference (Irkutsk, October 4–23, 2012)*]. Irkutsk, Irkutsk State University Publ., 2013, pp. 85–93. EDN: GUDWXB (In Russ.)
11. Ivanova V. Ya. The Motif of the Last Term in the Short Story of V. Rasputin “A Bear Skin for Sale”. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [*The Problems of Historical Poetics*], 2021, vol. 19, no. 3, pp. 276–295. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1633691334.pdf (accessed on February 2, 2026). DOI: 10.15393/j9.art.2021.9862. EDN: JCYHOA (In Russ.)
12. Ivanova V. Ya. Window to the Sky. Rasputin and Vampilov in Angarsk. In: *Sibir'*, 2024, no. 5, pp. 84–93. Available at: https://dom-lit.ru/?page_id=13797 (accessed on February 2, 2026). (In Russ.)
13. Mitrofanova I. A. *Mifo-fol'klornaya i drevnerusskaya traditsiya v povestyakh V. G. Rasputina: avtoref. dis. ...kand. filol. nauk* [*Myth-Folklore and Ancient Russian Tradition in the Short Novels of V. G. Rasputin. Ph.D. philol. sci. diss. abstract*]. Moscow, 1991. 20 p. Available at: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01000323416?page=1&rotate=0&theme=white> (accessed on February 2, 2026). EDN: ZLDXMZ (In Russ.)

14. Nepomnyashchiy V. S. *Uderzhivayushchiy teper': Pushkin v sud'be Rossii: izbrannyye raboty i vystupleniya* [Detaining Now: Pushkin in the Fate of Russia: Selected Works and Speeches]. Moscow, Saint Tikhon's Orthodox University of Humanities Publ., 2024. 652 p. (In Russ.)
15. Rasputin V. G. *Sobranie sochineniy: v 4 tomakh* [The Collected Works: in 4 Vols]. Irkutsk, Izdatel' Saponov G. K. Publ., 2007, vol. 2: The Last Term: Short Novel and Stories. 440 p. (In Russ.)
16. Tenditnik N. S. *Mastera* [Masters]. Irkutsk, Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1981. 303 p. (In Russ.)
17. Tenditnik N. S. Irkutsk by Alexander Vampilov. In: *Sibir'*, 1987, no. 4, pp. 113–121. (In Russ.)
18. Uzhankov A. N. *Istoricheskaya poetika drevnerusskoy slovesnosti. Genezis literaturnykh formatsiy* [Historical Poetics of Ancient Russian Literature. The Genesis of Literary Formations]. Moscow, The Maxim Gorky Literature Institute Publ., 2011. 512 p. EDN: TOBFCD (In Russ.)
19. Khalizev V. E. Intuition of Conscience (Aleksey Ukhtomsky's Concept of Dominant in the Context of the 20th Century Philosophy and Cultural Studies). In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2001, issue 6, pp. 21–42. Available at: <https://poetica.pro/journal/article.php?id=2512> (accessed on February 2, 2026). EDN: RUYKSP (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Иванова Валентина Яковлевна, Valentina Ya. Ivanova, PhD (Philology), PhD (Cultural Studies), Associate Professor of the Department of Philology and Methodology of the Pedagogical Institute, Irkutsk State University (ul. Karla Marksa 1, Irkutsk, 664003, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1120-5688>; e-mail: i_valya@mail.ru.

Поступила в редакцию / Received 15.02.2026

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 10.04.2026

Принята к публикации / Accepted 12.04.2026

Дата публикации / Date of publication 25.05.2026